

М.А.Павлова (Москва, гимназия 1514)

Взгляд рисовального человека: рассказ Э.Кочергина «Поцелуй»

Рассказ Э.Кочергина «Поцелуй» входит в книгу «Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека» (2006). Чтение рассказа и возможный разговор о нем рассчитаны на 2 урока в 11 классе. Дается на усмотрение учителя в старших классах, не является обязательным для изучения (!)

Что общего между картинами Каспара Нетшера «Кружевница» и Яна Вермеера (Делфтского) «Девушка, пишущая письмо», «Молодая женщина, читающая письмо у открытого окна» «Девушка с жемчужной сережкой»? Вопрос дает возможность поработать с метапредметной логической операцией сравнения (поиск общего – поиск отличий). Короткие ответы на вопрос ученикам предлагается записать в тетради самостоятельно, желающие могут прочесть свои ответы вслух (В кавычках – ответы одиннадцатиклассников: «Картины голландских художников «золотого века живописи», в центре внимания – образы девушек, особый свет, ощущение жизни и красоты, ощущение события» и т.д.).

Затем на экране репродукция картины «Калеки» Питера Брейгеля Старшего. Индивидуальная запись в тетради впечатления («Страдание, недоумение, ужас, уродство, человеческое безобразие»...)

Соотношение между картинами Нетшера и Вермеера, с одной стороны, и Брейгеля, с другой? («Резкий контраст»)

Смысл названия (название – элемент паратекста, может давать ключ к пониманию произведения, содержать авторское отношение к повествованию): поцелуй – «событие», если вынесен в заглавие? Палитра впечатлений, связанных с названием, разнообразна: возможно, романтическое, возвышенное, или сентиментальное, или пошлое – пока неизвестно.

Каждому ученику выдается распечатанный текст рассказа с комментарием: можно (нужно) работать карандашом (ручкой, цветными карандашами) с текстом: маргиналии (записи на полях, подчеркивание, выделение важного, вопросы к тексту и тд).

Чтение четырех первых абзацев (самостоятельно, отмечаются материалы для ответов на вопросы): какие слова являются ключевыми? Место и время действия? Что мы узнаем о рассказчике? Для автора (художника, режиссера, человека вообще) всегда является важным то, что он повторяет (Лотман о повторяющейся детали как сигнале особой значимости для автора). Повторяются слова «помните», «помните», «помните», «помните», «в памяти моей застрял»; возможно, отметят слова «нищие» («искалеченный войной люд», «обрубки»). Место действия – «на железной дороге» - вспоминаем стихотворения Некрасова и Блока, к Блоку возможная (условно) отсылка (аллюзия на стихотворение «На железной дороге»): «А помните эти деревянные вагоны, густо крашенные масляной краской и на всю жизнь впитавшие ее запах и запахи курева, еды и пота?» - «Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели»), время - послевоенные годы (1946, 1947 и 1949).

В тексте есть цитата (если есть «чужие слова» - особый сигнал для внимательного читателя!) «В одном городе жила парочка, он шофер, а она счетовод, и была у них дочка Аллочка, и пошел ей тринадцатый год...». Перед нами строчка из жестокого или городского романа начала сороковых годов XX века (полностью можно найти в Интернете, см ниже в Приложении). Городской романс постепенно вытесняет народные песни, в его основе – балладные (сюжетные) стихи малоизвестных поэтов, от вселенской романтической скорби движется к слезливой сентиментальности, ему свойственны подчеркнутый мелодраматизм и трагическая концовка. Городской (жестокий романс) явился источником блатной песни. Перед читателем возможный намек на особый жанр рассказа? На источник сказовой манеры рассказчика?

Образ рассказчика. При чтении возникает ощущение записи устной истории, рассказа «по случаю» (сказ). Историю рассказывает «поездной вор», «скачок», «с восьми лет приобщившийся к уголовной цивилизации» (см. автобиографическую повесть Э.Кочергина «Крещенные крестами». Не значит, что мы ставим знак равенства между биографией автора и образом рассказчика (!). Отсюда – особая сказовость текста, особая лексика, особый ритм повествования (можно вспомнить «Левшу» Лескова) Перед читателем «байка из жизни», «история из памяти», «из послевоенной жизни» - так личная, частная история вплетается в историю страны.

Читаем следующую часть рассказа (портрет героини, самостоятельно). Отмечаем время действия (что отмечено в рассказе) и способы создания портрета девушки. «Позднее осеннее солнце» - мотив солнечного света и света вообще – один из основных в этом фрагменте. Взгляд рассказчика – как меняется лексика? Взгляд художника, внимание к свету, цвету, детали. Вспоминаем картины Нетшера и Вермеера. Деталь – «светящиеся на солнце ушки с маленькими прозрачными серьгами-слезинками».

Читаем рассказ до слов «Поезд прибыл на станцию Остров». Как назван и как описан герой? Солдатик-великан (можно обсудить, почему не сочетаются - сочетаются эти слова), «лицо войны», «калека-великан», «брат-калека».

Кульминация рассказа – поцелуй – название. Событие, которое состоялось и не состоялось. Можно показать на экране картину Яна Вермеера «Солдат и смеющаяся девушка». «Слеза» - как парная деталь и(или) элемент гиперболы, отсылка к стилистике городского романа?

Чтение финала рассказа. Можно отметить, что станция Остров (ныне город Остров) – известен своей военной историей с XIV века, неоднократно разрушался во время военных действий, это последний город, через который проезжал Пушкин по дороге в Михайловское (сейчас на станции есть мемориальная доска со словами, поясняющими, что Остров «был последним городом на трагическом пути поэта в 1837 году»). Можно показать карту «Москва – Рига» - посмотреть путь героя (это замедляет ход урока). Те, кому интересно, могут дома самостоятельно подумать над темой «Островное сознание» и его отражение в произведениях Кочергина».

Последний абзац: «Они вышли: один огромный, другой неправдоподобно маленький, словно кто-то все это срежиссировал» - до конца. Какие вопросы вы можете записать к этому фрагменту? Как бы вы на них ответили? («Какие слова кажутся

несвойственными манере рассказчика? Какой прием использован в финале? Почему появляется отсылка к Брейгелю? Откуда «поездному вору» знать голландскую живопись «золотого века»? Он ли это говорит? В какое время года заканчивается рассказ и почему? («Шел мокрый снег...») О чем этот рассказ? Как рассказать о войне современному читателю, который не видел войну? Можно ли говорить, как и почему биография автора отразилась в тексте?». Ответ на один из вопросов учащиеся записывают в тетрадях.

Интересно, что сам Кочергин в одной из своих книг пишет о том, что выжить ему в послевоенные годы во время возвращения из детдома в родной Ленинград помогло ремесло.

В финале урока можно вернуться к теме – «Взгляд рисовального человека».

Об авторе рассказа

Э.Кочергин (1937, Ленинград) – народный художник России, главный художник АБДТ им. Г.Товстоногова, писатель. В 2010 году Кочергин стал обладателем премии «Национальный бестселлер», в 2011 – Литературной премии им. Сергея Довлатова «За достижения в современной отечественной прозе». В ноябре 2015 года в БДТ им Г. Товстоногова состоялась премьера спектакля «Крещенные крестами» (реж. В.Фильштинский) по книге Кочергина. Книги: «Ангелова кукла. Рассказы рисовального человека», «Крещенные крестами. Записки на коленках», «Записки планшетной крысы. Осколки памяти», «Завирухи Шишова переулка: Василеостровские притчи»

При подготовке были использованы неопубликованные, к сожалению, материалы лекции замечательного петербургского учителя и методиста С.В.Федорова о рассказе Э.Кочергина «Капитан. Островной сказ»

Приложение

Поцелуй

Вы, может быть, помните сороковые послевоенные годы. Помните барахолки в городах и городишках, лавину «обрубков», «тачек», «костылей» и прочего искалеченного войной люда в шалманах и на улицах. Помните, конечно, голодные 1946, 1947 и 1949-й годы и разного вида нищих, малых и старых, кочующих по стране. Нищих, специализировавшихся по подвижным составам: они ходили по железнодорожным вагонам со своим репертуаром и разного рода обращениями к победившему народу. Был даже, если можно так назвать, особый жанр вагонных песен, в основном жалостливых, вроде «В одном городе жила парочка, он шофёр, а она счетовод, и была у них дочка Аллочка, и пошёл ей тринадцатый год...»

А помните эти деревянные вагоны, густо крашенные масляной краской и на всю жизнь впитавшие её запах и запахи курева, еды и пота? Вагоны, набитые снизу доверху людьми, мешками, корзинами, деревянными чемоданами, с тусклым мигающим светом в купе и проходах, с бесконечными нищими калекками, которые менялись с каждым перегонном. Много их довелось мне увидеть за мою опасную практику скачка, то есть поездного вора...

Жизнь загнала меня в угол, и после побега из детприёмника стал я постепенно, с восьми лет, приобщаться к уголовной цивилизации. Но так как главной целью моей всё-таки было возвращение на родину, в Питер, а из моего далека попасть туда в ту пору можно было только по железной дороге, — то со временем, к двенадцати годам, я освоил профессию, связанную с поездами, — стал скачком. А поначалу, по молодости лет, был «помоганцем», или, из-за худобы и гибкости, — «резиновым мальчиком», который мог проникнуть в самую малую щель.

Из разного подбирающегося люда в памяти моей застрял один необычный бессловесный «обрубок». Расскажу уж по порядку, как полагается.

Поезд мой, если не ошибаюсь, был «Москва-Рига»: (я мечтал попасть в Ригу, потому что шли разговоры, будто там можно устроиться юнгой). Я мирно спал в этот раз — естественно, на последней полке плацкартного вагона, среди мешков и чемоданов, привязавшись ремнем к металлической трубе, чтобы, случаем, меня ночью не сдвинули с полки. Поезд приближался к станции Остров. Позднее осеннее солнце вдруг осветило потолок вагона и заставило меня проснуться. Я проспал, что было совсем нехорошо, а должен был затемно спуститься вниз и незаметно покинуть вагон, спрятавшись в туалете, тамбуре, «собачьем ящике», кочегарке или где-нибудь ещё. Мои старшие напарники наверняка уже оставили свои полки, а я...

Очень осторожно отвязав себя от трубы, из-за корзины посмотрел вниз. Вторые полки, слава богу, спали. Но нижние — женщина и девушка — встали уже, явно готовясь сойти в Острове. Мой взгляд застрял на девчонке, а может быть, уже и девушке молочной спелости и красоты необыкновенной. Так мне показалось. А может быть, виновато солнце, которое светило прямо на неё. Она сидела против окна, спиной ко входу, на чемодане, зачехлённом холстиной с латунными пуговицами от шинели, и ела картошку из капустного листа с огурцом и хлебом. Она была видна мне сверху. Её русые волосы, заплетённые в косички, золотились утренним солнцем. Мне запомнилась очень красивая высокая шея и светящиеся на солнце ушки с маленькими прозрачными серьгами-слезинками. Матушка её, отвернувшись от стола, что-то вынимала или, наоборот, складывала в свою сумку и была этим чрезвычайно занята. Напротив — на боковых полках — ещё спали, закрывшись от солнечного света.

Я уже хотел подлезть под трубу и посмотреть, что делается в соседнем отделении, как вдруг в нашем проеме показалась огромная фигура «обрубка», одетого в военную форму. За подол стираной гимнастёрки безрукого держался совсем маленький пацан-поводырь. Совершенно белый, прямо альбинос. Волосёнки у него были настолько светлые, что поначалу мне показалось, будто он седой. На нём был самопальный бушлатик с неправдоподобно огромными пуговицами, словно с какого-то Гулливера.

Голова солдата-великана была расколота по диагонали, да так страшно и безжалостно, что смотреть на неё было невозможно, а уж я повидал в своей жизни к этому времени! Шрам, если это можно было назвать шрамом, проходил щелью почти от правого виска вниз через всё лицо, уничтожив нос, то есть соединив рот и нос в одно отверстие с остатками лохматых губ. Сдвинутые, но живые куски мяса — разбитые глазницы, правого глаза не было. Война. Это было воистину лицо войны. Только случайность или Господь Бог и молодость оставили этого парня жить. Более страшного живого человека я никогда не видел. Руки у него были «завязаны». Знаете, в войну некогда было: резали, а кожу натягивали. И вот у него торчали такие «колбаски»-обрубки. На шее болталась дощечка с надписью: «Подайте инвалиду войны». Он был, очевидно, нем, то есть не мог говорить, а лишь мычал: во рту болтались только ошметки языка.

Никто его не видел и не слышал, кроме меня. Он стоял на широко расставленных ногах, чуть подавшись туловищем вперед, напротив не видящей его девчонки и смотрел своим уцелевшим глазом на её замечательно освещённую головку. Вдруг он решительно взмахнул своим

правым обрубком, сделал шаг к столу, резко нагнулся со своего висока и лохмотьями губ поцеловал шейку девушки. Она, оглянувшись, вскрикнула страшным, каким-то испуганным криком, будто у неё внутри рвануло. Её затрясло. Матушка, онемев, побледнела и вжалась в угол полки. А из его глазниц вдруг что-то рухнуло. Слеза. Мне показалось, что я слышал звук падающей слезы. Этого не могло быть, поезд шел быстро и шумно, но в голове у меня остался этот звук, мне показалось, что я слышал, как его слеза разбилась о нечистый пол нашего деревянного вагона.

Поводырь-пацан потянул «обрубка» за подол гимнастёрки и оттащил его от трясущейся в ознобе девочки. Воспользовавшись заминкой, незамеченный, я спустился вниз и почти вслед за «обрубком» оказался в тамбуре. Калека-солдат сидел на корточках, привалившись к «собачьему ящику», а пацан, прикурив тоненькую папироску, вставлял ему окурочек в лохмотья губ, вынимал после затяжки и снова давал своему огромному брату-калеке затянуться дымом самых дешёвых в ту пору папирос «Ракета».

Поезд прибыл на станцию Остров.

Они вышли: один огромный, другой неправдоподобно маленький, словно кто-то всё это срежиссировал. Сошли в абсолютно разрушенном городе. До этого я не понимал, что такое — «разбитый в пух». В Острове понял. У вокзала не было крыши, а сам вокзал был заполнен «обрубками» — безрукими, безногими, палёными, ослепшими... Эта жуть до сих пор у меня в глазах. Брейгель какой-то, в натуре — и на Руси. Шёл мокрый снег...

Эдуард Кочергин Ангелова кукла (Рассказы рисовального человека).

(Издательство Ивана Лимбаха, 2006)

Городской романс «В одном городе жила парочка...»

В одном городе жила парочка,
Он был шофер, она - счетовод,
И была у них дочка Аллочка,
И пошел ей тринадцатый год.

Вот пришла война. Мужа в армию
Провожала жена на вокзал...
Распростившись с женой верною,
Он такие слова ей сказал:

- Ухожу на фронт драться с немцами,
И тебя, и страну защищать,
А ты будь моей женой верною
И старайся почаще писать.

Вот уж год война, и второй война,
Стала мужа жена забывать:
С лейтенантами и с майорами
Поздно вечером стала гулять.

«Здравствуй, папочка, - пишет Аллочка. –
Мама стала тебя забывать.
С лейтенантами и с майорами
Поздно вечером стала гулять»...

«Здравствуй, папочка, - пишет Аллочка. -
А еще я хочу написать,
Что вчерашний день мать велела мне
Дядю Петю отцом называть».

Получив письмо, прочитав его,
Муж не стал уж собой дорожить.
И в последний бой пал он смертью,
И сейчас он в могиле лежит.

Ах вы, жenuшки, вы неверные,
Муж на фронте, а вы здесь гулять!
Война кончится, мужевья придут –
Что вы будете им отвечать?

Я кончаю петь. Не взыщите вы,
Что у песни печальный конец.
Вы еще себе мужа встретите,
А детям он неродный отец.

(В некоторых случаях песня исполнялась без двух последних куплетов)

Из архива пермского писателя Ивана Лепина

Есть запись песни в исполнении Юрия Чернова для программы «В нашу гавань заходили корабли»